

Прошло несколько дней. Погода заметно разгулялась, и тридцать морских свинок наконец-то пошли на поправку. Как бы там ни было, даже те бедняги, что остались калеками, теперь могли передвигаться самостоятельно — пускай и неторопливой, шаткой походкой.

В тот день зверьки мирно жевали сено в своих вольерах. Каждая свинка бережно прижимала к себе крошечную мягкую игрушку — у всех была своя собственная. Они терпеливо ждали, пока помощник ветеринара снимет защитный елизаветинский воротник с шеи последнего из их собратьев.

— Скоро вернётся доктор Тун, — возился со шлейкой ассистент. — Его мастерство славится на весь Город S. Он обязательно осмотрит вас ещё раз, чтобы исключить любые осложнения. Одно странно: когда мы созванивались, голос у него был жутко сердитый. Ума не приложу, что его так взбесило.

Ассистент бережно раздвинул густую шёрстку на шее Изящного. На коже виднелись четыре плотные коросты — болячки уже подсохли и вот-вот готовы были отвалиться.

— Уэй-уэй-уэй, — отозвался Изящный. Из его горла вырвался на редкость противный, скрежещущий звук.

Ссадины и порезы на его теле наконец затянулись. Прежде истощённый до предела, похожий на иссохшую щепку малютка постепенно наливался силой и округлялся. К сожалению, растерзанное когда-то горло и выдранная клочьями шоколадная шёрстка, зиявшая теперь неровными проплешинами, вряд ли когда-нибудь станут прежними.

— Ну вот, всё затянулось, Изящный. Только помни: молодая кожа ещё совсем нежная. Ни в коем случае не чеши её когтями, — напутствовал его ассистент.

— Уэй-уэй-уэй, — вновь проскрипел тот. На этот раз звук резанул по ушам ещё сильнее, напоминая отвратительный скрежет ногтей по школьной доске — от такого по коже невольно пробежал мороз, а внутри всё болезненно сжималось.

Молодой человек лишь мягко улыбнулся. Ему было совершенно всё равно, как звучат эти голоса. Для него не существовало красивых или уродливых, здоровых или покалеченных зверьков — он искренне любил каждого из них просто за то, что они есть.

Собрав инструменты, ассистент подхватил свой чемоданчик и направился к выходу.

— Уэй-уэй-уэй...

— Уэй-уэй-уэй!

Вслед ему несся целый хор залиvistых свистов. Зверьки наперебой благодарили своего

спасителя, и от этих звуков лицо уходящего парня осветилось ещё более тёплой улыбкой.

Спустя минуту в приоткрытую дверь робко просунулась забавная пёстрая мордочка. Это был Шигуй — пухленький золотистый зверёк с белым неровным пятнышком на лбу. Он смешно повёл носом из стороны в сторону, убедился, что людей поблизости нет, и деловито, вразвалочку зашагал внутрь.

— Сяо Хуэй, ну же, не отставай! — позвал он за собой приятеля. Серый длинношёрстный комочек позади него испуганно прятал мордочку в лапках.

Сяо Хуэй испуганно перепрыгнул поближе к Шигую, озираясь на каждый шорох. Он панически боялся, что из-за угла вновь вырастет двуногий гигант.

— Да чего ты трусишь? — горделиво пискнул Шигуй. — Пока ты со мной, бояться нечего. Вэй Ци меня и пальцем не тронет!

Впрочем, его напускная храбрость не слишком убедила Сяо Хуэя — тот лишь сильнее вжался в тёплый бок друга.

— Ой, смотрите, Шигуй и Сяо Хуэй пришли! — радостно загомонили свинки в вольерах. — Скорее, Шигуй, открой нам клетки!

— Не шумите, сейчас всех выпущу, — солидно отозвался Шигуй.

Перебирая короткими лапками, он подошёл к первому вольеру и принялся копошиться коготками в нехитром замке. Роста ему катастрофически не хватало, так что приходилось изо всех сил вытягиваться на задних лапах, забавно выгибая спину.

Вскоре все, кто мог мало-мальски передвигаться, оказались на свободе. Сгорая от нетерпения, зверьки послушно выстроились друг за другом, ожидая, что решит их маленький предводитель.

Из глубины одной из клеток раздался тихий, всё ещё слабый, но уже обретший былую чистоту голосок. Черный гладкошёрстный Бутончик, припав к мягкой подстилке, с надеждой уставился на Шигуя.

— Шигуй, я... я тоже хочу с вами.

Бедняга лишился трёх лапок. Чтобы хоть как-то перемещаться, ему приходилось перекачиваться всем телом. Вот и сейчас он отчаянно упирался своей единственной тонкой ножкой в пол, силясь выбраться наружу к друзьям.

Свинки с другими увечьями — без передних или задних лап, совсем немощные и

парализованные — тоже приподняли мордочки. Они заворожённо, с неизбывной тоской следили за здоровыми собратьями. С грустью опустив глаза на свои покалеченные тела, калеки уныло притихли.

Сердце Шигуя сжалось при виде этой картины.

— Знаете что? — решительно объявил он. — Мы пойдём все вместе! Нас здесь целая орава, неужто не дотащим вас? Тем более топтать по лестнице на верхний этаж к кошкам не придётся. Я покажу вам наш лифт для морских свинок. Спорим, вы такого чуда в жизни не видели? Когда я сам его впервые опробовал, так растерялся, что катался вверх-вниз раз десять!

Он нарочно тараторил весело и беззаботно, пытаясь подбодрить обделённых судьбой друзей. План сработал: у несчастных малюток мигом загорелись глаза. Вслед за Бутончиком они захряхтели, сиюминутно подтащив непослушные тела к выходам из вольеров.

По приказу Шигуя здоровые свинки быстро разбились на пары и группы. Каждый инвалид получил надёжного опекуна, а то и двух. Выстроившись ровной вереницей, совсем как первоклашки на школьной линейке, они чинно, группа за группой, загружались в чудо-лифт.

Специальная педаль на полу то и дело уходила вниз под давлением лапок, лифт тихонько звенел на каждом этаже, оповещая о прибытии. Зверьки изо всех сил сжимали зубки и прикрывали мордочки лапками, боясь издать хоть писк. Наконец вся честная компания благополучно переправилась на третий этаж и сгрудилась перед заветной дверью.

Дверь в комнату была заперта, но внизу для них обустроили эксклюзивную дверцу для морских свинок. Из щели пробивался блёклый луч света, а сквозняк доносил отчётливый, пугающий запах хищников. Там, за порогом, томились те самые четыре злые кошки — худший кошмар их жизни.

Боявшиеся яркого света грызуны нервно жались к стенам. Полуслепой Сяо Хун, уродившийся чисто-белым альбиносом с красными глазками, и вовсе зажмурился. Уцепившись зубками за пушистый загривок впереди идущего товарища, он семенил следом, доверяя ведущему каждый свой шаг.

Злая кошка №1, у которой на лбу красовалось выжженное клеймо с цифрой «1», сидела в просторной железной клетке. Она с ледяным презрением взидала на обступившую её толпу грызунов. Она буравила хрупкие шеи свинок жёлто-зелёными глазами — кошке хватило бы одного укуса, чтобы оборвать жизнь любой из них.

Остальные пленницы — кошки под номерами 2, 3 и 4 — угрожающе выгнули спины, готовые в любой момент броситься в бой. Они глухо и зловеще рычали. Шигуй ни на секунду не сомневался: не будь между ними прочной стальной сетки, хищницы мгновенно перегрызли бы всем горло.

— Погодите, дайте нам только выбраться, — прошипела Злая кошка №1, скаля зубы. Даже сидя под замком, она ни во что не ставила мелких зверьков. — Наш хозяин из вас шкуру спустит!

— А если твой хозяин больше никогда сюда не придёт? — отозвался Шигуй. Окружённый плотным кольцом сородичей, он со смешанным чувством смотрел на коварных тварей, принёсших им столько страданий.

— Враньё! — огрызнулась клеймёная. Она невольно коснулась лапой уродливого шрама на лбу, и в её светящихся зелёную глазах на долю секунды промелькнул животный страх. Но она тут же взяла себя в руки, вернув морде привычную хищную спесь. — Мы — гордость хозяина! Он лично выхаживал и тренировал нас. Мы лучшие бойцы в его своре. Пускай все остальные сдохнут, нас он ни за что не бросит!

— Твоё логово стёрто с лица земли, — безжалостно обрубил Шигуй, отзеркаливая те самые издевательские слова, которыми кошки когда-то пытали своих жертв. — Возвращаться вам некуда. Твой ненаглядный двуногий нарушил законы людей, и его упекли за решётку. Об этом трезвонят на каждом углу — даже мы, морские свинки, в курсе! А вы, верные кошки, до сих пор пребываете в неведении. Запомни: сейчас вы во власти моего хозяина. И теперь вы заперты в клетках — точно так же, как когда-то томились наши братья. Мы вольны сделать с вами всё, что пожелаем.

Однако угроза не вызвала у хищниц паники. Они лишь как-то странно притихли, и в их глазах отразилась гамма чувств, которую Шигуй никак не мог разгадать.

— Разрушено... Всё разрушено... — эхом отозвалась Злая кошка №2.

Острые когти, мгновение назад готовые рвать плоть, медленно втянулись в подушечки лап. Кошки растерянно переглянулись, их боевой запал угас сам собой.

Годы голода и жестокого обращения не проходят бесследно — даже сытные обеды последних дней не могли вернуть им здоровый вид. Сквозь тусклую шкуру отчётливо проступали рёбра, а позвоночник бугрился острыми узлами, из-за чего кошки походили на обтянутые кожей скелеты. На иссушенных мордах огромными чёрными провалами зияли неестественно большие глаза. Одного взгляда на этих несчастных хватало, чтобы понять: то место, где их держали, было самым настоящим адом.

Услышав известие о гибели лаборатории, они дружно попятились назад. В глубине их мерцающих глаз отразилась целая буря: скорбное молчание, тоска, робкая радость, облегчение и... полная, пугающая неизвестность.

— Что же... что же теперь будет с нами? — растерянно пробормотала Злая кошка №2, преданно глядя на своего лидера.

— Неужели тот склеп действительно уничтожен? — прошептала Злая кошка №3. — Тот

кошмар, где гнили горы кошачьих тел...

Она опустила голову и мягкой лапкой раздвинула засаленную шерсть на горле. Там белел жуткий глубокий шрам — след старой раны, едва не лишившей её головы.

С самого рождения их миром была сырая, зловонная мгла подземного карцера. Едва научившись крепко стоять на лапах, они познали изнурительные тренировки, сводящий с ума голод и еженедельную «охоту» — кровавую бойню, где брат шёл на брата. Они вчетвером выжили лишь потому, что загрызли десятки своих собратьев. До этого дня вся их жизнь, каждый вздох и шаг безраздельно принадлежали хозяину.

И вдруг хозяина не стало. Не нужно больше выходить на арену, рвать когтями сородичей ради куска гнилого мяса. Невидимый ошейник лопнул, но вместо долгожданной свободы на их измученные души навалилась свинцовая, гнетущая пустота. Они просто не знали, как жить иначе.

— Да ни один человек в здравом уме не полюбит таких чудовищ! — яростно пискнул трёхлапый свирёнок. — Вам никогда не найти новый дом! Вы столько зла принесли, что после смерти вас даже в кошачий ад не примут!

С этими словами он вытащил припрятанный, давно засохший хвостик от болгарского перца и изо всей силы швырнул его в решётку.

— А мы, по-вашему, не заслуживаем жалости?! — взвилась Злая кошка №1, оскалив жёлтые клыки. В её голосе не было и капли раскаяния — лишь глухая, вековая обида. — За вами пришли, вас спасли! А за нами кто-нибудь когда-нибудь возвращался?! Вам, домашних неженкам, которых люди холят и лелеют, вовек не понять, через что мы прошли! Терпеть не могу таких прилизанных домашних тварей! Живёте в тепле, пороха не нюхали, зато судите других с ангельским видом!

— А они? — Шигуй ткнул лапкой в сторону своих искалеченных товарищей. — Скажешь, их тебе не жаль? Ладно, вам нужна была еда — закон природы, я понимаю. Но зачем было издеваться над ними? Зачем ломать им кости и рвать мясо просто ради забавы?!

Четыре пары кошачьих глаз невольно проследили за его жестом.

Перед ними стояли живые памятники их жестокости. Вот Бутончик, угольно-чёрный малыш, упирается единственной уцелевшей ножкой и из последних сил тянет вверх голову. Вот Изящный, весь в проплешинах, испуганно прижимает лапку к изуродованному горлу. Вот Мякиш — трёхцветный кроха, у которого вместо ушей остались лишь рваные шрамы, — растерянно клонит голову набок. Вот Вихрь, лишившийся задней половины тела, упрямо ползёт вперёд, подтягиваясь на передних лапках и не сводя с хищников немного, обвиняющего взгляда...

Под этим чистым, полным невысказанной боли взглядом жестокие хищницы дрогнули. Они невольно отступили ещё на шаг назад, трусливо пряча взгляды и не смея смотреть свинкам в лицо.

— Это она... это она сожрала Мякиша! — Изящный оскалил зубы. Скрежет его резцов напоминал свист ветра на кладбище. Он уставился на Злую кошку №1 взглядом, полным чистейшей, дикой ненависти.

— А эта тварь прикончила Сяо Цзюя! — Обезьянка, свинка с узкой мордочкой, яростно ткнул лапкой в сторону Злой кошки №2. — Она заживо распоролла ему живот клыками, а потом, забавляясь, потрошила остальных, словно игрушки!

— Из-за этой гадины Бутончик остался без ног! — подал голос здоровый свирёнок, на спине которого устроился безногий калека. Он подошёл вплотную к вольеру Злой кошки №3. — Она зубами вырывала ему суставы! Она же лишила ушей А-Хуа и отгрызла хвост Сяо Хуану!

— И... и эта тоже! Она... — Сяо Хун щурил свои подслеповатые красные глазки, тыча наугад в сторону Злой кошки №4.

Свинки принялись доставать припрятанный корм для морских свинок и швырять его сквозь прутья решётки. Твёрдые зерновые комочки градом посыпались на головы забившихся в угол кошек.

— Люди никогда вас не полюбят!

— Зверей вы тоже только пугаете! Никто не захочет с вами водиться!

Эти бесхитростные, бьющие наотмашь слова градом сыпались на несчастных кошек. Некогда грозные хищницы сиротливо сжались в комок, пытаясь укрыться от летящего в них мусора в самом дальнем углу своей темницы.

Раскалённое клеймо оставило глубокие рубцы на их лбах, но куда страшнее был невидимый след, навечно выжженный в их израненных душах.

«Неужели нас и правда никто никогда не полюбит?» — тоскливо подумали они.

Ведь когда-то давно, в самом начале... они тоже были просто хорошими маленькими котятами.